

Анна Колотовкина

**В СТРАНЕ КОШМАРОВ И ЧУДЕС. РЕЦ.
НА КН.: А. ВАСИЛЬКОВА ФЕНОМЕН
ВИРТУАЛЬНОСТИ: О ПЕРЕХОДЕ МЕЖДУ
МИРАМИ — НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ,
СПЕКТАКЛЕЙ И ФИЛЬМОВ, КОТОРЫЕ
ЧИТАЛИ И СМОТРЕЛИ ДЕТИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX И НАЧАЛА XXI ВЕКА (2016)**

Рецензия представляет культурологическое исследование А. Васильковой «Феномен виртуальности: О переходе между мирами — на материале книг, спектаклей и фильмов, которые читали и смотрели дети второй половины XX и начала XXI века» (2016), посвященное мотиву перехода между мирами в книгах, кино и спектаклях для детей. В рецензии описывается структура книги и анализируются поставленные автором книги исследовательские задачи, отмечаются проблемные места, оценивается потенциал для дальнейшей работы. Материалом книги послужили произведения А. Погорельского, Э. Т. А. Гофмана, Л. Кэрролла, М. Метерлинка, А. А. Милна, Ф. Л. Баума, А. Волкова, Л. Кассиля, К. С. Льюиса, Н. Геймана, Е. Клюева, А. Жвалевского, Е. Пастернак и пр. Рецензент раскрывает, как А. Василькова, рассматривая тексты о путешествиях в другие миры и параллельную реальность, относящиеся к жанру литературной сказки и фэнтези, отмечает смысловые сходства и находит заимствования из мифологий и религий. Автор рецензии отмечает сильные и слабые стороны исследования: обширный культурный контекст, широкую палитру читательских отзывов и рефлексии, но в то же время несоблюдение баланса между субъективной позицией и научной методологией.

Ключевые слова: советская детская литература, современная детская литература, адаптации книг, киноязык, переход между мирами

Анна Сергеевна Колотовкина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Европейский университет, Санкт-Петербург
akolotovkina@eu.spb.ru

DOI: 10.31860/2304-5817-2024-1-25-375-386

Книга Александры Васильковой, вышедшая в 2016 г., тематически и идеологически близка другим книгам издательства Государственного института искусствознания, посвященным, например, исследованиям интернета [Дуков 2016], телевидения [Телевидение 2015] и видеоигр [Каманкина 2016] с искусствоведческих и культурологических позиций. Материал, с которым работает Василькова — разножанровые детские книги, художественные и мультипликационные фильмы, театральные постановки — это, по сути, новые посредники для старых идей. «История детской литературы намного короче, чем история литературы вообще» [Василькова 2016, 197], пишет авторка, подчеркивая новаторство «детского» способа разговора о давно известных вещах. Ее исследование посвящено классическим мифологическим сюжетам и мотиву перехода между мирами в детской литературе. При этом детская литература здесь понимается в самом широком смысле: книги, написанные специально для детей или «присвоенные» ими; книги из школьной программы или считающиеся дискуссионными и недетскими. Василькова рассматривает и авторские сказки, и пересказы, и переводы, а также всевозможные адаптации — от аудиоспектаклей до мультфильмов. В обширности этого материала заложена первая потенциальная проблема. Подробно рассказывая, как происходила адаптация — например, как «экранизации иногда заслоняли собой литературный первоисточник» [Василькова 2016, 6], авторка оказывается увлечена переходом между жанрами, а не между сюжетными мирами, как обещает заглавие и вступление книги.

Впрочем, это не единственная стартовая проблема работы: так, например, вызывает вопросы заявленная «виртуальность». Во-первых, этот термин сегодня прочно ассоциируется с технологиями, что отмечалось уже в работах пятнадцатилетней давности [см. напр. Бычков, Маньковская 2006]. Во-вторых, даже если обратиться к более широкому определению виртуальности, необходимо прояснить ее непростые отношения с реальностью (*virtual vs actual*), а в книге этому вопросу не уделено достаточно внимания. Василькова отмечает особенности приемов, при помощи которых создается «потусторонняя реальность художественных произведений» [Василькова 2016, 4]:

...параллельные миры в них могут быть отделены от нашей реальности физическим расстоянием или временем, вторая реальность может прорасти внутри нашей, изменяя ее, другой мир может существовать независимо от нашей реальности и напрямую с ней не соприкасаться — или граничить с ней [Там же, 5].

Существуют разнообразные трактовки «виртуального» и «реального» (при этом «параллельные миры» — не синоним виртуальности, а лишь одна из возможных форм). Эти трактовки во многом связаны с материалом и временем, о котором идет речь¹. Учитывая, что Василькова постоянно перемещает свое внимание между древней мифологией и произведениями, написанными в XX–XXI вв., теоретический инструмент явно требует калибровки. Событие «переход между мирами» гораздо более конкретно, к тому же, находить и сравнивать его в произведениях искусства разных стран и эпох проще. Заметно, что авторке некомфортно в излишне обширном теоретическом дебате: «виртуальность» обсуждается во введении, дальше появляется все реже, а в некоторых главах и в заключении она совсем не упомянута.

Структурно книга состоит из введения, одиннадцати глав и послесловия. Каждая из глав посвящена одному или двум произведениям, объединенными или общим топосом (глава «Чудесная страна — советская страна»), или характером произведения (глава «Место подвигу — в иных мирах»). Введение раскрывает идею и план книги, именно здесь определена базовая предпосылка работы:

...представление о существовании параллельного мира (или параллельных миров) заложено в нас изначально, оно постоянно присутствует в общей памяти человечества, в коллективном бессознательном, оно восходит и у писателя, и у читателя к одним источникам, однако используется мотив перехода между мирами разными авторами по-разному и с разными целями [Василькова 2016, 7].

Этот тезис будет развиваться в последующих главах с привлечением материала из различных мифологий, религий и народных традиций. При этом обращение к тем или иным сюжетам кажется связанным с личными авторскими предпочтениями: так, почти в каждом литературном произведении Василькова находит параллели со скандинавской мифологией (по признанию авторки, наиболее ей знакомой и близкой [Василькова 2016, 2]). А вот христианские сюжеты Василькова рассматривает только на примере книг Клайва Стейплза Льюиса, что ожидаемо, но все же озадачивает, учитывая, что почти все упомянутые авторы (за исключением советских) формально принадлежат к христианской традиции.

Исследовательские задачи (довольно обширные, учитывая небольшой объем книги) определены так:

...какие именно мифологические мотивы использовал тот или другой автор; для чего потребовалось их использовать в каждом отдельном случае; что происходит с героями, попадающими в параллельный мир; как выглядит этот параллельный мир в сравнении с исходным реальным, что между ними общего и чем они различаются; наконец, какая картина мира складывается в результате всего этого, меняется ли эта картина со временем, и если да, то каким образом, насколько эти изменения зависят от окружающей действительности и господствующего мировоззрения [Василькова 2016, 8].

Кроме смешения аналитических и описательных вопросов, становится заметной еще одна проблема: Василькова, безусловно, стремится ответить на поставленные вопросы, но делает это избирательно. Главы и части ее книги выполняют разные задачи, и то, что начиналось как сравнение, в итоге выглядит собранием методологически разных частей.

Глава «Верхний, средний и нижний миры» — мостик между исследовательскими задачами и непосредственной работой с выбранным материалом. Эта часть книги содержит краткий обзор истории и теории мифа. Здесь Василькова предлагает

...обратиться к общим для всего человечества представлениям и мотивам, вкратце о них напомнить... разобраться в устройстве этих миров, в том, как они соотносятся между собой [Василькова 2016, 10].

В этой главе вводятся основные концепции, необходимые для понимания дальнейшего содержания: миры разных уровней и их обитатели; мировое древо; мифическое время и ход истории; эсхатологические мотивы и загробный мир; места и обряды перехода; проводники, волшебные помощники и предметы. Обращаясь к Проппу и иллюстрируя сказанное примерами из скандинавской мифологии, Василькова предлагает читателю краткий обзор истории и теории мифа. Несмотря на некоторую упрощенность и поверхностность (неизбежную при таком объеме заявленного содержания), эта глава является наиболее консистентной и содержательно взвешенной.

Последующие части книги посвящены конкретным литературным произведениям, а также их сценическим и кинематографическим адаптациям. Наблюдается противоречие: «из мифов и сказок все эти способы и приемы переходят на страницы книг, на сцену и на экран» [Василькова 2016, 8], — пишет Василькова, не учитывая, что «на сцену и на экран» переход чаще всего совершается

из книги (иногда — в обратном направлении, а иногда книга следует за другой книгой), а значит, процесс скорее последовательный, чем параллельный. Множественность переходов и виртуальностей (как внутри созданного автором мира, так и внутри культурного процесса) неизбежно ведет к путанице, поэтому главы, о которых речь пойдет ниже, структурно и методологически получились довольно разными.

Выбор материала для анализа — своего рода исследовательский почерк, зачастую гораздо более личный, чем предпочитаемый метод; он связан, в том числе, с бэкграундом автора. С детской литературой Василькова знакома прежде всего как переводчица, о мифологических сюжетах и киноязыке она писала в работах «Душа и тело куклы. Природа условности куклы в искусстве XX века. Театр, кино, телевидение» (2003) и «Мир фильмов Ивана Максимова» (2011). Выбор произведений для «Феномена виртуальности» авторка описывает так:

...[книги], которые были написаны на русском языке или переведены на русский язык и входили в детский круг чтения в последние полвека; ...в которых присутствует мотив перехода между мирами, где персонажи из нашего, реального мира тем или иным способом попадают в виртуальные миры, и об инсценировках и экранизациях этих книг [Василькова 2016, 6].

Литературный критик Ольга Балла (автор еще одной рецензии на эту книгу), отмечает, что исследование сконцентрировано на

...[книгах], наиболее точно характеризующих свое время со свойственными ему представлениями о многомирье, междумирье и человеке в нем. Причем сосредоточивается ее внимание, во-первых, на сказках авторских... и на том, что вошло в состав даже не общеевропейской или общеевропейской культурной памяти, а русской, точнее, советской и постсоветской — на том, что читали и смотрели именно дети нашей страны нескольких последних десятилетий [Балла 2017].

Каждая из глав посвящена одному или двум произведениям, при этом «сказки рассматриваются не столько в том порядке, в каком были написаны, сколько в том, в каком становились событиями для их русской аудитории» [Балла 2017]. Разбор текстов начинается

с «Черной курицы» Антония Погорельского. Василькова характеризует книгу, ее последующие театральные и киноинсценировки, отмечая разницу в сюжете и деталях. Основная мифологическая тема сказки — процесс инициации главного героя и роли волшебного помощника — Черной курицы; Погорельский, с ее точки зрения, использует разнообразные мифологии и славянские обычаи.

Следующая глава посвящена «Щелкунчику», а точнее множественности воплощений этого образа — Василькова обращается к текстам Э. Т. А. Гофмана и А. Дюма-отца, а также к чешской и диснеевской адаптациям. Отдельное внимание уделено балету в постановке Чайковского, советской и российской киноверсиям. Авторка сравнивает репрезентацию волшебного мира в разных версиях сказки — как на сюжетном, так и на идеологическом уровнях (например, советский мультфильм отличается большим морализаторством). Наблюдение про расстановку акцентов в разных версиях сюжета выглядит интересным и потенциально полезным для сравнительных исследований репрезентации. Еще одна любопытная находка в этой части книги — мотивы «Золушки» в советском «Щелкунчике». Она дает несколько трактовок этому интертекстуальному приему, в частности, объясняющие идеологическую логику мифологического сюжета:

...на Мари автоматически переносятся добродетели Золушки... стало быть, перемещение девочки в волшебную страну — награда за прежние заслуги и возмещение за прежние невзгоды [Василькова 2016, 43].

Глава о «Синей птице» содержит сведения о литературном первоисточнике; в ней подробно описана история постановок пьесы и приводится разнообразная театральная критика. Постановка детально сравнивается с одноименным советско-американским фильмом 1976 г.², а самому сюжету и его мифологической составляющей уделено не так много места.

В главе про «Алису в стране чудес» Василькова больше всего пишет о культовой для нескольких поколений советской музыкальной версии 1976 г.³, рассуждая о его сюжете отдельно от первоисточника. Впрочем, оригинальная версия Кэролла тоже рассматривается, отмечаются мотивы сновидений и прохождения инициации главной героиней. Кроме того, в этой главе сравниваются разные книги цикла: «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье», а также несколько киноверсий.

Следующая часть посвящена сказкам о Винни Пухе — в оригинальной версии и в адаптации Бориса Заходера, характеризуются

спектакли и мультфильмы. Василькова много пишет о роли игрушек и о лесе как мифологическом пространстве, а также «виртуальных двойниках» — персонажах, которые действуют параллельно своим аналогам в реальном мире.

В части об «Изумрудном городе» в основном противопоставляются сказки Баума и Волкова — Василькова подробно пересказывает содержание всех книг, упоминая пропущенные и добавленные сюжеты, сравнивая настроение и языковые особенности текстов. Примечательная находка здесь — материальность, телесность сказочных персонажей: «оживает именно это соломенно-тряпичное или металлическое создание, и, ожив, оно сохраняет все свойства материала, из которого создано» [Василькова 2016, 107]. Это рассуждение не только о содержании, но и о возможностях адаптации: «Страшила и Железный Дровосек по природе своей близки к игровым куклам» [Там же].

Следующая часть книги объединяет произведения советской литературы — «Золотой ключик», «Конduit и Швамбрания» и «Королевство кривых зеркал». Сказка о Буратино сравнивается с первоисточником — Пиноккио. В последнем повторяется сюжет о телесности: деревянное заменяется человеческим, Пиноккио, по сути, проходит путь голема. История Буратино не так близка к мифам и имеет совсем другое настроение. Еще одна советская сказка — «Конduit и Швамбрания» — вписана в исторический контекст войн и революций. В ней, как отмечает Василькова, справедливый, лучший сказочный мир противопоставляется несправедливой реальности. Похожие мотивы наблюдаются и в кратко упомянутом «Королевстве кривых зеркал».

Следующая глава объединяет повесть «Братья Львиное Сердце» Астрид Линдгрэн и цикл «Хроники Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса. Это объединение — в отличие от предыдущей «советской» главы — основано на общем настроении упомянутых сказок и сюжетных сходствах. В обоих случаях герои не просто перемещаются в новый мир, но выполняют долг, оказывают помощь, спасают жизни. Книги объединены и темой смерти, к которой Василькова периодически возвращается:

Какими бы ни представлялись иные миры автору, отправляющему персонажей в зазеркалье или в невидимые стороннему зрителю глубины холста, заставляющему их проходить сквозь нарисованную дверь или падать в кроличью нору, в мифологии «потусторонний мир» или «тот свет» — это обитель мертвых, место пребывания душ [Василькова 2016, 12].

Подробная биография Льюиса, история написания и публикации его книг ставит ряд существенных вопросов о религиозном, гендерном, национальном аспектах «Хроник Нарнии».

В заключительных главах Василькова рассматривает современные детские книги. Во-первых, это «Коралина в стране кошмаров», которая дана в сопоставлении с мультфильмом. Отдельные главы посвящены русскоязычным сказкам «Гимназия № 13» А. Жвалевского и Е. Пастернак и «Между двух стульев» Е. Клюева, в которых найдены следы славянской мифологии, а также — ожидаемо — отсылки к более ранним литературным сказкам (например, к «Алисе»).

Личный взгляд Васильковой на детскую литературу, ее признание, что «отчасти этот выбор определялся тем, что это — мое время и мой круг чтения» [Василькова 2016, 5] — это и сильная, и слабая сторона исследования. Знакомство с контекстом всегда выигрышно и позволяет интуитивно уловить социокультурные феномены, например, всесоюзную значимость театральной постановки «Синей птицы» или радиоспектакля «Алиса в стране чудес». Такой подход мог бы позволить перейти от отдельных произведений и их рецепции к более широкому измерению, срезу советской культурной действительности. О. Балла пишет:

...по существу, прояснение состава нашего опыта здесь и происходит, — даже, в значительной мере, собственного опыта автора как человека своего поколения и своей культуры, о котором здесь не раз говорится прямо [Балла 2017].

Однако сосредоточенность авторского взгляда на личных симпатиях и ностальгический дух текста уводит читателя в сторону от историко-культурных особенностей эпохи. И если политический подтекст «Алисы» хотя бы упоминается, то актуальной для предыдущих поколений соцреалистической трактовки «Синей птицы»⁴ в тексте нет. В целом социально-политические обстоятельства в лучшем случае упомянуты вскользь (несмотря на то, что собранные в исследовании книги охватывают почти два столетия и зачастую совпадают с важнейшими событиями новейшей истории). Критика представлена в основном читательскими или зрительскими отзывами на описываемые произведения, в исследовательском

же смысле ее нет, а все попытки деконструкции ограничены пересказом Проппа.

Отдельно стоит сказать про круг источников, к которым обращается Василькова: хотя из четырнадцати ключевых для исследования произведений восемь написаны не на русском языке, в библиографии нет ни одного зарубежного источника (за исключением написанной Дюма версии «Шелкунчика»). Для обзора по теории мифа Василькова использует, в частности, «Мифы народов мира» (издание 1980 г.), скандинавские сказания в пересказе для детей (издание 1970 г.) и даже форумы; биографии писателей и анализ произведений основаны на предисловиях переводчиков и опять же неочевидных интернет-источниках. Василькова практически не обращается к критическим исследованиям детской литературы: кроме «Книг нашего детства» (2008) М. С. Петровского и нескольких статей, посвященных отдельным произведениям, библиография ничего не сообщает о детской литературе как феномене. Учитывая, что Василькова пишет о текстах, ключевых не только для детской, но и мировой литературы, отсутствие полноценного аналитического обзора озадачивает.

«Меняются времена, меняется наш мир, из которого отправляются в свои странствия путешествующие между мирами героини книг, но тот мир, куда они попадают, меняется мало» [Василькова 2016, 197] — к такому выводу приходит авторка исследования, и он любопытен, поскольку это, по сути, вызов социальному. Получается, что обстоятельства создания произведения могут повлиять на сюжетную канву, приводящую персонажа в сказочный мир, но суть этого мира приближена к древним мифам и неосознаваемым структурам нашего мышления. Основная задача книги (обнаружение, описание и анализ этих мотивов) на практике, к сожалению, затерялась: Василькова постоянно сравнивает сюжеты, но делает это бессистемно и на разных уровнях. Книги и спектакли, разные переводы книг, фильмы разных лет, либретто и мультфильмы, книги одного цикла и др. — такие сравнения легитимны, но требуют соответствующей оптики (например, привлеченной из социологии культуры или культуральной истории). Также теряются и важные сюжеты — от репрезентации истории до религиозных мотивов, — упомянутые вскользь, но заслуживающие дальнейших исследований.

Примечания

- ¹ Обзор трактовок «виртуального» и «реального» в разных эпохах см. напр.: [Bittarello 2014].
- ² «Синяя птица» (1976, режиссер Дж. Кьюкор, композиторы А. Петров, И. Костал).
- ³ «Алиса в Стране чудес» (Мелодия, 1976) — музыкальная сказка (аудиоспектакль) на стихи В. Высоцкого. Музыка Е. Геворгяна и В. Высоцкого, перевод текста Кэрролла — Н. Демуровой.
- ⁴ О роли «Синей птицы» в раннесоветском воспитательном процессе см. напр.: [Слезкин 2019].

Литература

Источники

Василькова 2016 — Василькова А. Феномен виртуальности: О переходе между мирами — на материале книг, спектаклей и фильмов, которые читали и смотрели дети второй половины XX и начала XXI века. М.: ГИИ, 2016.

Дуков 2016 — Дуков Е. Сеть: публика и искусство. М.: ГИИ, 2016.

Каманкина 2016 — Каманкина М. Видеоигры: общая проблематика, страницы истории, опыт интерпретации. М.: ГИИ, 2016.

Телевидение 2015 — Телевидение между искусством и массмедиа / ред.-сост. А. С. Вартанов. М.: ГИИ, 2015.

Исследования

Балла 2017 — Балла О. Встретимся в Нангилиме // Знамя. 2017. № 2. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6532>.

Бычков, Маньковская 2006 — Бычков В., Маньковская Н. Виртуальная реальность в пространстве эстетического опыта // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 47–59.

Слезкин 2019 — Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019.

Bittarello 2014 — Bittarello M. Mythologies of Virtuality: “Other Space” and “Shared Dimension” from Ancient Myths to Cyberspace // The Oxford Handbook of Virtuality / ed. by M. Grimshaw-Aagaard. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 86–111.

References

- Balla 2017* — Balla, O. (2017) Vstretimsja v Nangilime [Let Us Meet in Nangilima]. *Znamja*, 2. Retrieved from: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6532>.
- Bittarello 2014* — Bittarello, M. (2014). Mythologies of Virtuality: “Other Space” and “Shared Dimension” from Ancient Myths to Cyberspace. In M. Grimshaw-Aagaard (Ed.), *The Oxford Handbook of Virtuality* (pp. 86–111). Oxford: Oxford University Press.
- Bychkov, Man'kovskaja 2006* — Bychkov, V., Man'kovskaja, N. (2006). Virtual'naja real'nost' v prostranstve jesteticheskogo opyta [Virtual Reality in the Space of Aesthetic Experience]. *Voprosy filosofii*, 11, 47–59.
- Slezkin 2019* — Slezkin, Ju. (2019). *Dom pravitel'stva. Saga o russkoj revoljucii* [House of Government. The Saga of Russian Revolution] Moscow: Corpus.

Anna Kolotovkina

Institute of Russian Literature (Pushkinskij dom), European University in Saint Petersburg; ORCID: 0000-0001-6087-4293

IN NIGHTMARE COUNTRY AND WONDERLAND: BOOK REVIEW OF: *THE PHENOMENON OF VIRTUALITY: ABOUT THE TRANSITION BETWEEN WORLDS — BASED ON BOOKS, PLAYS AND FILMS THAT CHILDREN READ AND WATCHED IN THE SECOND HALF OF THE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES* (2016)

The review presents a cultural study by Alexandra Vasilkova “The phenomenon of virtuality: On the transition between worlds — based on books, plays and films that children read and watched in the second half of the 20th and early 21st centuries” (2016), dedicated to the motive of the transition between worlds in books and cinema and performances for children. The review describes the structure of the book, analyzes the tasks set by the author, points out problem areas, and assesses the potential for further work.

The material for the book was the works of Antony Pogorelsky, Ernst Theodor Wilhelm Hoffman, Lewis Carroll, Maurice Maeterlinck, Alan Alexander Milne, Lyman Frank Baum, Alexander Volkov, Lev Kassil, Clive Staples Lewis, Neil Gaiman, Evgeny Klyuev, Andrey Zhvarevsky, Eugenia Pasternak, etc. The reviewer reveals how Alexandra Vasilkova, considering texts about travel to other worlds and parallel reality, related to the genre of literary fairy tales and fantasy, notes semantic similarities and finds borrowings from mythologies and religions. The author of the review notes the strengths and weaknesses of the study: a broad cultural context, a wide range of reader reviews and reflections, but at the same time the lack of balance between the subjective position and scientific methodology.

Keywords: soviet children’s literature, modern children’s literature, book adaptation, cinematic language, transition between the worlds